

И. Б. Губанов

**«ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ» В СВЕТЕ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ,
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЕВРОПЕ IX ВЕКА
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ИЗ ГОРОДИЩ ЛЮБШИ, СТАРОЙ ЛАДОГИ,
ПСКОВСКОГО И РЮРИКОВА ГОРОДИЩА**

Речь в данной статье пойдет об историчности летописных сообщений о призвании варягов. Так, в Ипатьевской летописи сказано: «...имаху дань Варазѣ, приходѣще изъ заморья, на Чюди, и на Словѣнехъ, и на М(е)рѣхъ, и на всѣхъ Кривичахъ, и а Козаре имахуть на Полъне, и на Сѣверехъ, И на Валтичихъ, имаху по бѣлѣ, и вѣверици, тако ѿ дыма...

И изгнаша Варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в них правды, и вѣста родъ на ро(д), и быша оусобицѣ в ни(х), и воевати сами на сѣ почаша, и ркоша поищемъ сами в собѣ кнѣзѣ, иже бы володѣль нами и рѣдилъ, по рѣду по праву, идоша за море к Варяго(м), к Руси, сѣце бо звахуть, ты Варгы Русь, яко се друзии зовутсѣ Свес, друзии же Оурмани, Аньглѣне, инѣи и Готе, тако и си ркоша... Чюдь, Словенѣ, Кривичи, и всѣ земля наша велика, и ѿбилна, а нарада въ неи нѣтъ, да поидете кнѣжи(т) и володѣть нами, и избрѣшасѣ, трие брата, с роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша къ Словѣнномъ пѣрвѣе, и срубиша горо(д) Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ, а другии Синеоусъ на Бѣлѣѡзерѣ, а третѣи Труворъ въ Изборьсцѣ, и ѿ тѣхъ Варягъ, прозвасѣ Руская земля, по дѣвою же лѣту, оумре Синеоусъ, и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю ѡдинъ, и прише къ Ильмерю, и сруби горо(д) надъ Волхово(м), и прозваша и Новъгоро(д), и сѣде ту кнѣж(а)...»¹

Полагаю, для решения собственно варяжского вопроса необходимо рассмотреть, во-первых, социальные аналогии, а именно — зафиксировано ли в источниках призвание чужеземного властителя для урегулирования распрей в традиционных обществах родичей, во-вторых, следует ответить на вопрос, можно ли вписать призвание варягов в европейский внешнеполитический контекст IX века, и наконец, в-третьих, выяснить, имеем ли мы археологические свидетельства появления скандинавов во второй половине IX века в центрах, ассоциированных с летописными.

На первый вопрос следует ответить положительно. Идентичную социальную модель призвания традиционным обществом родичей иноземного властителя для урегулирования внутренних конфликтов демонстрируют «Деяния арабов». В этом памятнике, основанном на архаичной устной традиции, сказано, что около 490 года н.э. североаравийские племена кинда и ма'адд обратились к царю Древнего Йемена Туббе, и тот послал им южноаравийского представителя династии Киндитов ал-Хариса. Как свидетельствует этот важнейший источник, «когда люди бакр ибн ва'ил стали безрассудны и одолели безрассудных рассудительных, захватив дела правления в свои руки, и прервались древние связи родства, собрались их предводители и сказали: “Безрассудные овладели правлением, сильный поедает слабого, нужно поставить над ними царя, которому мы станем отдавать овцу и верблюда, он возьмет для слабого у сильного, вернет обиженному от притеснителя. Но не может им быть ни один из нас, другие ему станут прекословить, и дела наши только ухудшатся. Пойдем к Туббе, пусть он поставит царя над нами”. Они пошли и поведали ему о том, что с ними стало, и поставил он над ними ал-Хариса ибн 'Амра ибн Худжра»².

Это сообщение специалист по традиционному обществу северных арабов Л.В. Негря трактует следующим образом: «В этой легенде есть момент, который не может не привлечь внимания: она дает основание предположить, что явления, порожденные имущественной дифференциацией и социальным расслоением среди членов племени, могли вызвать положение нестабильности, возможность устранения которой еще очень сильная общинно-родовая организация видела в равном для всех подчинении власти извне, даже при условии выплаты дани»³.

Какими бы ни были причины серьезнейших социальных кризисов в традиционных обществах родичей — социальное и имущественное расслоение, как в данном случае («Безрассудные овладели правлением, сильный поедает слабого»), или военные столкновения коллективов родичей, как сказано в летописи («вста род на род»), — в обоих случаях результатом

распри стали тотальное разрушение основных социальных связей традиционных обществ, связей, основанных на обязательствах по родству («прервались древние связи родства») и, соответственно, основательная дискредитация традиционных авторитетов общества («...не может им (вождем. — И.Г.) быть ни один из нас, другие ему станут прекословить»). Таким образом, и у вождей северных арабов конца V столетия, и у вождей славян и финно-угров Восточной Европы IX века не было другого выхода, как призвать иноземного правителя в качестве вождя и арбитра в условиях серьезного кризиса традиционного общества родичей. Это было единственно возможное решение для обществ такого типа. Таким образом, сообщения летописи и «Дней арабов» представляются вполне историчными с точки зрения логики разрешения крупных кризисов в традиционных обществах родичей.

Внешнеполитическая ситуация середины — второй половины IX века также говорит в пользу версии о призывании скандинавов. Как известно, именно в это время распад каролингской империи в 844 году вызвал волну грабительских набегов викингов на Западную Европу⁴. Обращение славянских и древнефинских вождей к скандинавским дружинам и их предводителю как ведущей и весьма мобильной реальной военной силе того времени выглядит вполне логичным.

Тем не менее все вышесказанное без археологических подтверждений появления в указанный период норманнов на Северо-Западе России можно считать лишь предположениями по аналогии. Однако такие подтверждения есть, причем они охватывают три локуса или, по терминологии Г.С. Лебедева, «топохрона» в синхронии, согласующейся с летописными свидетельствами.

Во-первых, показательна судьба ключевого славянского городища Любша на мысу в устье одноименного притока Волхова на правом берегу реки, соединяющей Ладогу и оз. Ильмень. В VIII–IX веках городище в Любше было воротами из Балтики в Восточную Европу. Его сложные фортификационные сооружения уникальны для Северо-Запада России. Как пишет раскопавший Любшу археолог Е.А. Рябинин: «Внутренняя часть ее вала была сооружена из каркасных деревянных конструкций, засыпанных глиной и утрамбованных. На валах стояли внушительные деревянные сооружения. С наружной стороны вал был обнесен подпорной стенкой из колотой известняковой плиты. Истоки подобных фортификационных традиций восходят к славянам Центральной Европы — жителям Подунавья, Великой Моравии и Польши»⁵.

Для нашей темы существенно то, что крепость Любша гибнет именно во второй половине IX века в результате военного штурма. Как отмечают археологи Е.А. Рябинин и А.В. Дубашинский, «имеются данные, свидетельствующие о беспокойной военной обстановке, связанной с самым северным укреплением на окраине Восточной Европы. При раскопках обнаружены десятки наконечников стрел, часть которых оказалась воткнутой в вал или в каменную обкладку укреплений. Этот археологический факт полностью корреспондирует со следами пожара, выявленными при исследовании городища. Типы стрел датируются в широком хронологическом диапазоне, но верхняя граница использования некоторых из них не выходит за пределы IX (или, возможно, X) века... Каменно-земляная крепость была уничтожена во второй половине IX века. Предложенная дата (полученная по данным радиоуглеродного анализа) с учетом комплекса находок позволяет предполагать, что гибель поселения могла быть связана с междоусобицами («встал род на род»), призыванием варягов или первыми политическими акциями князя Олега Вещего»⁶.

Во-вторых, приблизительно 865 годом датируется по дендрохронологии пожар, уничтоживший торгово-ремесленное городище Старой Ладogi V яруса, по С.Л. Кузьмину, или горизонта E2, существовавшего с 840 по 865 год. В V ярусе Старой Ладogi, кстати, отчетливо выявляется скандинавский компонент, например, в виде деревянного стержня со старшерунической надписью, вероятно магического содержания, или в виде крупного дома в 120 кв. м каркасно-столбовой конструкции с центральным очагом в северной части раскопа В.И. Равдоникаса⁷. Возможно, присутствие скандинавов на староладожском поселении середины IX века подкрепляет летописную версию об установлении на Руси варяжской дани.

Скорее всего, староладожское поселение V яруса уничтожили враги, так как, помимо мощного слоя пожарища, в заполнении дренажной канавки в раскопе А.Н. Кирпичникова обнаружены, по определению С.Л. Санкиной, обгоревшие черепа погибших женщины 35–40 лет и ребенка 4–5 лет⁸.

В-третьих, синхронно с гибелью славянской крепости в Любше и уничтожением торгово-ремесленного поселения на городище Старой Ладogi возникает Рюриково городище вблизи современного Новгорода, у истоков Волхова на городищенском холме, возвышающемся над периодически затопляемой поймой.

Норманнские древности здесь многочисленны. Преимущественно это вещи в стиле Борре. Среди них равноплечные фибулы и их фрагменты, фрагменты скорлупообразных фибул, кольцевидных булавок, навершие

иглы кольцевидной булавки в стиле Борре, крючок в стиле Борре, накладка в стиле Борре, фигурка валькирии и пр.⁹

Укрепление Рюрикова городища подробно описано: «Внутренний ряд представлял собой трехстенные дубовые срубы, незамкнутые со стороны холма... Длина их внешних стен составляла до 4 м... Перед рядом трехстенных срубов были расчищены остатки второй, внешней полосы деревянных конструкций. Она сохранилась значительно хуже, так как ее наружная, обращенная ко рву сторона оказалась на исследованном участке еще в древности полностью разрушена. От нее уцелели ряды поперечных стенок, находившиеся в 1–2 м друг от друга. Длина их составляла не менее 3 м. Возможно, внешняя полоса деревянных конструкций представляла собой усложненный вариант срубов внутреннего ряда. Эти конструкции поднимались рядами вверх на высоту не менее 4 м. ...поселенческая площадка оказалась защищенной со стороны Ильменя мощной древоземляной конструкцией, своеобразным вертикальным деревянным панцирем, засыпанным изнутри грунтом. Возможно, частично древоземляная конструкция несколько возвышалась и над площадкой, а по ее краю мог идти, к примеру, деревянный тын. Перед этим дубовым сооружением ложбина была углублена, образовав защитный ров...

Во-первых, несомненно, была усилена оборона поселения — вместо пологого склона появилась мощная деревянная стена высотой не менее 4 м. Во-вторых, оказалась увеличенной площадь цитадели. В-третьих, описанная конструкция служила и как гидротехническая защита холма.

<...> при всей своей внешней грандиозности была возведена реально на песке у склона холма и не устояла под напором стихии. При ежегодных подъемах воды основание сооружения было подмыто, заваливаясь в сторону рва, оно поползло вниз по склону, а его остатки оказались перемешанными с грунтом и замыты при последующих подъемах воды. На рубеже IX–X веков грандиозное оборонительное и гидротехническое сооружение прекратило свое существование и больше не возобновлялось. Напрашивается мысль о том, что строители оборонительной стены городища оказались недостаточно знакомыми с природными особенностями Ильменя, за их плечами не было опыта многолетних наблюдений. Крупные подъемы воды, как мы знаем сейчас после начала регулярных измерений, разделяют десятилетия»¹⁰.

В-четвертых, раннее поселение городища Пскова, принадлежавшее культуре рюгу, гибнет в пожаре около 860 года по дендродате, установленной М.И. Кулаковой для бревна с горизонта пожарища, раскопанного

в 1991–1992 годах. Таким образом, сожжение раннего Псковского городища хронологически соответствует летописной датировке призвания варягов, гибели Любши и Староладожского городища V яруса и постройке мощных древоземляных укреплений Рюрикава городища близ будущего Новгорода.

После пожара на месте раннего псковского городища появляется раннесредневековое городище с сильно выраженной «норманнской вуалью». Следует отметить, что скандинавские древности найдены как в соответствующих слоях самого раннесредневекового Псковского городища, так и в погребениях его могильника. Преимущественно это типичные скандинавские трупосожжения. Подавляющее большинство погребений — это кремации, на ингумации приходится только 10 % погребений могильника псковского городища соответствующего периода. Археолог С.В. Белецкий, основательно исследовавший псковское городище, собрал воедино данные о вещевом инвентаре на раннесредневековом городище, о погребениях псковского могильника и структуре дохристианского святилища городища. Он пишет: «Среди вещевых находок в раскопах разных лет серийно представлены предметы североевропейского круга древностей (равноплечные и круглая фибулы, иглы от булавок с декоративным кольцом, фризские гребни, глиняные диски от вертикального ткацкого стана, ланцетовидные наконечники стрел, крест-тельник с грубым изображением распятия и др.) и гибридные фенноскандинавские вещи (гребень с зооморфной спинкой и процарапанным изображением ладьи), а также предметы, указывающие на присутствие в составе населения дружинного и купеческого элемента (складные весы и гиры, детский деревянный меч, имитирующий мечи типа Н или J)...

Большая часть пространства раскопов 1968–1991 годов “на ул. Ленина”... в X — начале XI века была занята курганным некрополем, насыпи которого оказались разрушены еще в древности. В процессе раскопок 1974–1991 и 1998 годов было открыто около 80 погребений... Среди захоронений преобладают погребения по обряду трупосожжения (ТС) на стороне. Не менее трети из них было помещено в урны — лепные, раннекруговые и круговые богато орнаментированные сосуды... поставленные на горизонте или на кострище либо помещенные в грунтовые ямки, опущенные с поверхности погребенного дерна, с поверхности подсыпки или же впущенные в насыпи курганов. ТС на месте немногочисленны: уверенно можно пока говорить только об одном захоронении (погребение № 19), размещавшемся на ладьевидном кострище.

Большинство открытых ТС безынвентарны (если не считать фрагментов керамики и сосудов-урн). Из разрушенного ТС (погребение № 4...) происходят парные скорлупообразные фибулы ТС (погребение № 50...)... Из переотложенного ТС (погребение № 46...) происходит булавка с декоративным кольцом.

...в ровике кургана А найдены железная тордированная гривна с молотком Тора и вотивный железный топорик...

<...>

Ряд предметов, происходящих из предматерикового слоя, с большой степенью вероятности можно связывать с разрушенными погребениями. Таковы равноплечная бронзовая фибула... тордированная железная гривна... инкрустированные бусы, изготовленные из трубочек... ланцетовидный наконечник стрелы... скрамасакс...»¹¹

Было бы заманчиво связать сожжение около 860 года более раннего поселения на месте Псковского городища и большое количество норманнских древностей на появившемся на его месте раннесредневековом поселении с вокняжением здесь брата летописного Рюрика — Трувора.

Таким образом, я полагаю, что летописная версия о призывании варягов подтверждается следующим.

1. В ситуациях глубочайшего кризиса при разрыве связей родичей у лидеров традиционных обществ, при потере ими реального авторитета не было другого входа, как приглашение на роль вождя и арбитра опирающегося на свою вооруженную силу человека со стороны, иноземца. Северные арабы, несмотря на традиционную вражду с южными, выбрали представителя древней йеменской династии, а славяне и финны Восточной Европы — скандинава «из-за моря».

2. Реальная внешнеполитическая ситуация в Европе, находящейся на пике набегов викингов, диктовала решение обратиться именно к предводителю норманнской дружины как к вождю, распоряжающемуся реальной мобильной вооруженной силой, с которой нарушителям родового мира пришлось бы считаться.

3. Гибель стратегически наиважнейшего славянского городища Любша, контролировавшего водный путь по Волхову в Восточную Европу, уничтожение Старой Ладogi V яруса, синхронное с возникновением Рюрикова городища скандинавского облика в Новгороде и появлением многочисленных норманнских древностей после пожара на городище Пскова, свидетельствуют в пользу летописной версии о кровопролитной расправе восточноевропейцев и призывании варягов Рюрика и Трувора...

* * *

В свете последних археологических открытий необходимо сделать два важных добавления.

1. Представляется важным концептуальным моментом смещение акцента с призвания Рюрика на время двумя десятилетиями ранее. Согласно археологическим раскопкам из Старой Ладogi (около 839 года по дендрохронологии) на смену хронологически чередующимся поселениям скандинавов и славян (усадебная свеев с 750 по середину 760 года, которую сменили славянские поселения культуры смоленских длинных курганов со срубными постройками) приходит поселение смешанной домостроительной традиции (большие срубные жилища с центральными очагами), на котором найдены скандинавские древности, например деревянный стержень (прялка?) с уникальной рунической надписью, вероятно, магического содержания. Это бесспорное свидетельство славяно-скандинавского синтеза, которое, возможно, подтверждается данными каролингских Бертинских анналов о посольстве русов, оказавшихся свееми, к императору Людовику Благочестивому, информацией шнорриевой «Саги об Олаве Святом», в которой законоговоритель Торгнюр упоминает давние походы конунга Эйрика в середине IX века по Восточному пути, а также рассказом древнерусских летописей о сборе свееми дани с северных славянских и финно-угорских народов в середине IX века. Впервые на все эти факты обратил внимание археолог и историк С.Л. Кузьмин, детально разработавший стратиграфию Старой Ладogi.

2. Летом 2013 года в подматериковом слое на территории Староладожского городища был найден франкский гребень VII века н.э. Преимущественно гребни такого типа распространены по р. Рейн. Гребни древних германцев, найденные археологами, свидетельствуют о присутствии здесь самих германцев, знать которых носила длинные волосы. Появление франкского гребня на, вероятно, славянском поселении тушемлинской культуры VII столетия говорит о давних контактах древних славян и германцев, вероятно кривичей и франков, а затем кривичей и скандинавов. Франко-славянские контакты в VII веке, за 200 лет до призвания Рюрика, заставляют всерьез отнести к гипотезе о тождестве Рюрика Новгородского и вассала каролингов дана Рерика Фрисландского в IX веке. Если кривичи и франки контактировали в столь раннее время, нет причин отрицать возможность контактов Северо-Запада России и подконтрольных франкам территорий на Нижнем Рейне в IX веке (см. новый обзор франкских источников по Рерику Фрисландскому у С.С. Алексашина).

* * *

¹ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. С. 14.

² *Негря Л.В.* общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М., 1981. С. 40.

³ Там же.

⁴ *Стринингольм А.* Походы викингов / пер. с нем. А. Шемякина; прил. и прим. К. Фриша; предисл., коммент. А. Хлевова. М., 2002.

⁵ У истоков Северной Руси. Новые открытия: альбом /авт. текста Е.А. Рябинин, авт. фотоил. И.А. Коротенко. СПб., 2003. С. 17, 178.

⁶ *Рябинин Е.А., Дубашинский А.В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья: сб. науч. ст. СПб., 2002. С. 202–203.

⁷ *Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XII века) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья: сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Виноградов. СПб., 2008. С. 80–82.

⁸ Там же. С. 81–82.

⁹ *Носов Е.Н.* Рюриково городище. СПб., 2008. С. 29, 39.

¹⁰ *Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XII века) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья. СПб., 2008. С. 34–35; *Кирпичников А.Н., Назаренко В.А.* Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопам 1984–1991 годов // Древности Поволховья / под ред. А.Н. Кирпичникова, Е.Н. Носова. СПб., 1997. С. 76.

¹¹ *Белецкий С.В.* Псков в I — начале II тысячелетий н.э. // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. № 1. С. 361–395.